

Ф. Силницкий

НЕПОКОЛЕБИМАЯ СКАЛА ИЛИ ДЫМЯЩАЯСЯ СОПКА ?

(О книге Людмилы Алексеевой
"История инакомыслия в СССР".

Издательство "Хроника", Нью-Йорк, 1984. 427 страниц)

Альтернативы развития СССР имеют исключительное значение для судеб мира. Среди многих факторов, которыми эти альтернативы определяются, — отношения между властью и имущими и населением вообще и между властями и критиками власти, в частности. Поэтому столь важна "История инакомыслия в СССР", рассматривающая различные течения этих "критиков власти".

Русское слово "инакомыслие" на Западе переводится словом "диссент". Русский термин не совсем точен, поскольку возникает вопрос, по сравнению с кем эти люди мыслят иначе. Советские инакомыслящие вслух говорят то, что большинство их сограждан думает про себя. Быть может, точнее было бы называть их "независимо мыслящими". Но термин "инакомыслящие" уже вошел в научный обиход, не будем его менять и мы.

Инакомыслие в СССР явление не новое. Свидетельством тому послереволюционный террор, который следует рассматривать не только как произвол и одно из последствий реализации большевистской доктрины диктатуры пролетариата, но и как реакцию властей на общественное недовольство. Целью красного террора было подавление критически настроенных индивидуумов и целых наций. В книге Людмилы Алексеевой этот аспект жизни современного советского общества представлен более широко и фундаментально, чем во всех прежних работах на эту тему. "История инакомыслия в СССР" свидетельствует, что несмотря на репрессии, несмотря на жесточайшее подавление малейших проявлений несогласия с официальной линией, советскому руководству не удалось выкорчевать независимость суж-

дений, не удалось уничтожить критическое мышление и подавить стремление людей самим решать собственные дела и дела своей нации.

Людмила Алексеева, в прошлом активная участница правозащитного движения в СССР, представила читателю энциклопедическую работу. В шестнадцати главах "Истории инакомыслия в СССР" автор знакомит нас с общественными, политическими и идейными течениями, ныне существующими в СССР за рамками официальной идеологии, с идеями ведущих представителей этих течений. Следует отметить объективный характер анализа, трезвую оценку сильных и слабых сторон сформировавшихся в СССР диссидентских течений. Политика властей по отношению к инакомыслию освещена в книге лишь в общих чертах, в основном это свидетельства о трагической судьбе многих инакомыслящих. Анализ политики советского руководства по отношению к инакомыслящим не входил в задачу автора, хотя эта проблема заслуживает внимания с точки зрения альтернатив развития советского общества. Политика зависит не только от происшедших или возможных в будущем перемен в верхах, но и от того, сможет ли независимое мышление в СССР приобрести такое политическое влияние, с которым власти вынуждены будут считаться в повседневной практике.

Треть объема книги посвящена движению за права человека и за социально-экономические права. Личный опыт автора помог увидеть не заметные на первый взгляд оттенки разных идейных течений в этих движениях и определить их практическое значение. Движение за права человека — самое универсальное из диссидентских движений в СССР и глубоко демократическое. Это обеспечивает тесное сотрудничество правозащитников с активистами национальных и религиозных движений, заинтересованных в демократизации советского общества для решения собственных проблем. Развитие правозащитного движения в СССР свидетельствует об осознании какой-то частью советского общества необходимости демократических перемен.

Значительное внимание в "Истории инакомыслия" уделено национальным движениям. Эти движения, подчеркивает автор, были одним из первых и наиболее активных проявлений инакомыслия и проложили дорогу другим направлениям независимого мышления в СССР.

Национальные проблемы были и остаются важнейшими проблемами советской империи, на территории которой оказались нации с различной политической культурой, различными традициями и религией, удерживаемые в границах советского государства силой и полностью лишённые права на самоопределение. Главы "Истории инакомыслия" о нерусских национальных движениях наглядно свидетельствуют, что проповедование пролетарского интернационализма и усилия советского руководства по денационализации наций и созданию новой исторической общности — советского народа — не смогли убить сформировавшееся веками национальное сознание.

Национальные движения в СССР — это не вооруженная борьба за независимость, за отделение от империи. Это выступления в защиту своей нации мужественных людей, сознающих, что только за формулировку национальных требований их ожидают жесточайшие наказания.

Можно по-разному оценивать перспективу этих движений превратиться в серьезный политический фактор, способный изменить положение в стране, но из книги Л. Алексеевой однозначно вытекает, что в настоящее время национальная идея, стремление к национальной независимости является ведущим мотивом большинства советских инакомыслящих, что наиболее самоотверженно и смело выступают против существующего положения именно представители национальных движений.

Обычно под национальной проблемой понимаются проблемы несамостоятельных, негосударственных наций многонационального государства, проблема отношений между правящей и управляемыми нациями. Но существует и национальная проблема "правящей нации", поскольку привилегированное положение развращает ее, способствует укреплению шовинизма, антидемократизма. Правящая нация неизбежно становится опорой имперской государственной машины, которая душит попытки демократизации общества именно потому, что демократизация, то есть предоставление больших прав отдельным личностям и группам, немыслима без предоставления больших прав нациям, а предоставление таких прав и свобод нациям подрывает священные имперские принципы центральной власти и неделимости территории.

В СССР проблема правящей нации имеет двойной смысл: во-первых, эта проблема отношений самих русских к многонациональному государству, к принципу его неделимости, к праву нерусских наций на самостоятельное национальное существование, и, во-вторых, это проблема развития самой русской нации в социально-политических и идеологических условиях советской системы. Л. Алексеева отмечает и этот аспект национальной проблемы в советском государстве, основанном на идее единой, неделимой и растущей империи и призванном подавлять любые проявления сепаратизма нерусских наций.

”Выделение всесоюзным правительством русского народа из остальных, — пишет Л. Алексеева, — вызывает негативную реакцию у этих остальных народов, способствует нарастанию среди них сепаратистских тенденций. Поэтому власти то поощряют проявления русского национализма, то более или менее резко одергивают слишком увлекшихся, по их мнению, русофилов... Но, хотя и с отступлениями, русская национальная идея крепнет в советской пропаганде и официальной культуре”.

(Стр. 396)

В последнее время в академических и политических кругах Соединенных Штатов и Западной Европы появились сторонники идеи, что ренессанс религиозного и национального сознания русских приведет к банкротству коммунистической идеологии. Однако такая позиция отнюдь не всеобща. Многие специалисты воздерживаются от оптимистических оценок симптомов русского религиозного и национального возрождения, учитывая антидемократические и антизападные заявления приверженцев осолобого (православного, русского) пути развития России. *

* Александр Алексиев в работе „Dissent and Nationalism in the Soviet Baltic”, Rand, California, 1983, отмечает, что проводимая на нерусских территориях русификация и денационализация стимулирует массовый протест населения против этой политики советского руководства и национальное сознание, направленное на спасение нации. В этом сходство национальных движений нерусских наций с движениями наций Восточной Европы за государственную независимость. ”Как русское, так и прибалтийское инакомыслие, — пишет А. Алексиев, — направлено против советской системы, однако прибалтийское более широкое, более решительное... Русские диссиденты, как правило, выступают с критикой советской системы, но весьма немногие — против многонационального государства...”

Людмила Алексеева рассматривает положение Русской православной церкви (РПЦ) и русское национальное движение, отношения между РПЦ и государством, позицию русского национального движения относительно других наций советской империи. Православная церковь, отмечает автор, подчинена советскому государству в большей степени, чем другие церкви и религиозные организации. Среди православного духовенства есть священники, которые протестуют против сотрудничества церковной иерархии с политической властью, однако такие выступления единичны, и по сравнению с воинствующим государственным атеизмом православное духовенство представляется пассивным.

”Определенная тяга к церкви, — пишет Л. Алексеева, — создалась не ее усилиями; она порождена процессом разложения, распада официальной идеологии. Этот процесс распространился по всей стране... Огромные массы людей заполняют образовавшийся ... духовный вакуум пьянством. Наибольший приток произошел, естественно, к вытесненным в свое время официальной идеологией традиционным формам сознания — национальным и религиозным. Однако пробуждение интереса к религии, который у русских обращен к традиционному для них православию, не привел к возрождению Русской православной церкви — она по-прежнему пребывает в глубоком упадке”.

(Стр. 225)

В советском обществе повышенный интерес к религии является определенным видом нонконформизма, но не следует считать всех верующих активными инакомыслящими. Для многих религия — лишь определенная форма сосуществования с советским режимом.

”Крещение, посещение церкви, занятия в религиозном кружке создают иллюзию свободы от государственного диктата ’во внерабочее время’, а в служебное время такие люди со смирением, бесстрастно отдают дань Кесарю, никак не выделяясь среди советских служащих, даже если эта дань состоит в преподавании марксизма или написании официозных философских трудов”.

(Стр. 233)

В большинстве своем, констатирует автор, православная интеллигенция не связана с демократическим правозащитным движением, хотя некоторые верующие христиане участвуют в нем.

Национальные и религиозные движения выдвигают в первую очередь требования свободы для своей нации или религии; перед русским национальным движением стоят также вопросы, связанные с судьбами государства как целого. Среди русских националистов есть последователи "национал-большевизма", зародившегося в 20-е годы, — это своего рода симбиоз русского национализма с коммунистической властью. Возрождение этой идеи объясняется успехами советского руководства в деле сохранения и расширения империи. Среди приверженцев русского национализма есть противники демократических институтов западного типа и вообще либерализма и даже сторонники сохранения чистоты расы. Их беспокоит глубокий духовный кризис России, проявление которого они усматривают в эпидемии пьянства, в разложении семьи и нравственном упадке и указывают как на выход на синтез советской системы с православием, поскольку слияние этих двух качеств дает, по мнению современных национал-большевиков, возможность осуществить духовное возрождение нации и выполнить историческую миссию русских — построить "тысячелетнее царство".

Распространены идеи русского национализма и среди власти имущих. Для них Советский Союз — империя, в которой русские по праву занимают привилегированное положение (официальный термин: первые среди равных). Националисты из правящих кругов резко отрицательно относятся к Западу, стремятся к еще большему росту военной мощи СССР и дальнейшей экспансии и категорически против какой бы то ни было демократизации СССР, поскольку она неизбежно приведет к активизации сепаратистских тенденций не только русских наций СССР, но и народов Восточной Европы, ослабит динамичность (то есть агрессивность и экспансионизм) советской внешней политики. (Стр.399)

Анализируя течения в русском национализме, Л.Алексеева отмечает позитивное направление, способствующее развитию культурно-национального сознания русских. Представители этого направления видят свою миссию в спасении исторических па-

мятников русской культуры и в сохранении русской природы, стремятся восстановить преемственность культуры, нарушенную насильственным искоренением всех направлений в гуманитарных науках, кроме марксистского, и всех направлений в искусстве и литературе, кроме "социалистического реализма". Однако в главе о русском национальном движении Л. Алексеева констатирует, что в последние годы происходит сдвиг либерального крыла этого движения "вправо", в результате чего уменьшается разрыв между ним, славянофилами из советского истеблишмента и национал-большевизмом.

"Одновременно увеличился разрыв между правозащитным демократическим движением, национальными движениями нерусских народов и неправославными религиозными движениями, с одной стороны, и русским национализмом, — с другой".

(Стр. 411)

Размышления о будущем русского народа нынешних русских националистов сосредоточены не столько на разработке позитивной программы, сколько на критике Запада, демократии, а также демократического периода русской истории с февраля по октябрь 1917 года.

* * *

"История инакомыслия в СССР" вышла в начале 1984 г. К этому времени режиму удалось почти полностью задушить открытые проявления инакомыслия. Но это не снижает актуальности исследования, проделанного Людмилой Алексеевой.

Советское руководство отбрасывает все, что не приемлет тоталитаризм, на "задворки". Попытки инакомыслящих начать диалог с властями не дали результатов. Политическое значение инакомыслия в современной политике почти что нулевое. Вряд ли можно надеяться, что сторонники инакомыслящих в ближайшее время окажутся на руководящих постах в СССР и правопорядок восторжествует. Инакомыслящие — не альтернативная

политическая группа, борющаяся за власть. Основное достижение инакомыслия вообще и правозащитного движения в первую очередь состоит в том, что люди все чаще отказываются от критериев коммунистической идеологии ради идеи прав человека, пусть пока лишь теоретически. Основной целью большинства инакомыслящих и основным их достижением является происходящая таким образом трансформация все большей и большей части подданных советского государства в граждан.

”История инакомыслия в СССР” — не только историческая работа. Она важна именно сейчас, когда движения инакомыслящих подвергаются в Советском Союзе жестоким преследованиям и лишены возможности поддерживать контакты с мировой общественностью. Читателям ”Истории инакомыслия” в Советском Союзе эта книга откроет тщательно скрываемую от них сторону жизни их собственной страны, поможет оценить взаимоотношения власти и общества и определить собственную позицию в этом противостоянии. Если же говорить о читателях из свободного мира (не читающие по-русски смогут прочесть эту книгу по-английски, она выходит в английском переводе в начале будущего года в издательстве Wesleyan University Press), то им исследование Алексеевой поможет почувствовать и оценить трудно передаваемую в привычных им понятийных категориях чуждую действительность чуждого мира. Я имею в виду необходимость того понимания, на которое указывает чешский драматург Вацлав Гавел в выступлении по случаю присуждения ему Тулузским университетом почетной научной степени в мае 1984 г. *

”Время от времени мне приходится беседовать с представителями западной интеллигенции, которые приезжают в Чехословакию и осмеливаются во время этого визита встретиться с диссидентами... Чаще всего они задают мне вопросы такого рода: ”Вы думаете, что можете что-то изменить? Но ведь вас так мало и вы не имеете никакого влияния! Вы противники социализма или стремитесь улуч-

* Это выступление было послано университету в письменном виде, так как Гавелу не разрешили выехать из Чехословакии для участия в церемонии.

шить социалистический строй? Как вы относитесь к размещению ракет средней дальности в Западной Европе? Что мы можем сделать для вас? Что заставляет вас стоять на своем, несмотря на преследования и угрозу тюремного заключения и без надежды на какой-то очевидный результат? Вы хотели бы реставрировать капитализм в вашей стране?”

Задавая эти вопросы, мои собеседники руководствуются самыми благими намерениями, они стараются разобраться в ситуации, и совершенно очевидно, что им не безразлично, что происходит в мире и какое будущее его ожидает.

Эти вопросы убеждают меня, что многие на Западе совершенно не понимают (и в определенном смысле даже не в состоянии понять), что у нас происходит, к чему мы, так называемые диссиденты, стремимся, в чем смысл наших действий. Возьмем, например, вопрос ”Что мы можем сделать для вас?”. Нет сомнения, западная интеллигенция может сделать многое: чем решительнее будет поддержка, чем больше вольномыслящих людей в мире будет солидаризоваться с нами, тем меньше опасность арестов и тем сильнее наша вера в то, что наши призывы не потонут в пустоте. И все же в самом этом вопросе есть элемент недопонимания: ведь на самом деле речь идет не о помощи нескольким ”диссидентам”, не о том, чтобы нас реже арестовывали. Речь идет и не о помощи нашим народам — чехам и словакам, не о том, чтобы им жилось легче и свободнее. Только мы можем помочь себе; мы слишком часто в прошлом полагались на помощь других, и эти наши надежды терпели крушение: либо обещанная помощь в последний момент не приходила, либо она превращалась в свою противоположность. Речь идет о совершенно ином: о спасении всех, о спасении моего собеседника в такой же степени как и моем. Разве мои мрачные перспективы не являются мрачными перспективами и для него? Разве уничтожение человека в Праге не грозит уничтожением всех? Разве равнодушие к происходящему в моей стране или иллюзии о ней не являются подготовительным этапом того же самого разворота событий в других странах? И разве несчастье других стран

не обуславливает несчастье Чехословакии? Речь идет не о чешском диссиденте, который оказался в тяжелом положении, которому необходимо помочь (я мог бы, в конце концов, сам улучшить свое положение, перестав быть 'диссидентом'), а о том, в чем смысл несовершенных действий этого 'диссидента' и его судьбы, какое свидетельство дают они о положении в мире, о будущем, об альтернативах его развития, о том, могут ли поступки и судьба 'диссидента' стать пищей для раздумий других, для раздумий об их собственной, и тем самым о нашей общей судьбе; речь идет о том, станут ли судьба и поступки 'диссидента' для тех, кто его посещает, предупреждением об опасности, призывом и уроком".

* * *

Ниже мы публикуем главу "Социалисты", которая была написана после выхода в свет русского издания "Истории инакомыслия" и войдет в англоязычное издание этой работы.